

УДК 930.2:355.4"1917"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-90-98

**«УСТОИ АРМИИ РАСШАТАЛИСЬ СОВЕРШЕННО»:
1917 ГОД В ВОСПОМИНАНИЯХ Ф.А. МОРОЗА¹****Н. А. Михалев, С. А. Пьянков**

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

n.mikhalev@mail.ru

kliostefan@mail.ru

Публикуются воспоминания о событиях 1917 г. в России, написанные белоэмигрантом Ф.А. Морозом, бывшим офицером штаба главнокомандующего Северным фронтом. Главная тема воспоминаний — развал русской армии, вызванный ее демократизацией. Фиксируется также возникновение традиции, возможно, даже канона нарративизации российского 1917 года представителей русской эмиграции. Мотивы самоадвокации и провидения актуализируют проблему смыслов и назначений не только этого эго-текста, но и источников эго-жанра в целом.

Ключевые слова: эго-документы, воспоминания, революция 1917 г. в России, Псков, Северный фронт, офицеры, солдаты, демократизация армии, деморализация армии.

За последнюю четверть века корпус известных отечественным исследователям эго-документов², посвященных России 1917 г., значительно обновился за счет воспоминаний русских эмигрантов. Активно издаваемые и переиздаваемые в СССР/России начиная с 1990-х гг.³ рассказы свидетелей революции остаются востребованными не случайно. Введение в научный оборот все новых документов не просто обеспечивает прирост источниковых ресурсов. Издание этих рассказов, как и прочих эго-источников, и может рассматриваться как событие именно по причине их многозначности: «"Эгоцентризм"» воспоминаний, находящихся в оппозиции ко всяческому официозу, способствует ... "прозаизации" представлений о России 1917 г. Духу эпохи тем самым противопоставляется ее "физиология", а это помимо очевидного намека на высокий потенциал воспоминаний как источников для изучения российской повседневности предполагает еще и их не менее высокую когнитивную ценность как оснований для отказа от исключительно рационального, структурного понимания того, что происходило в России 1917 г. При этом умеренно и неумеренно дозированное личное восприятие, а также специфика его асинхронного фиксирования, характерные для воспоминаний, уводя от центральных революционных локусов, могут оставить стойкое ощущение разрушения "универсальной истории" России 1917 г. Но это ощущение обманчиво, поскольку на самом деле воспоминания, как и любые другие эго-источники, через автопортреты проживших и переживших ту или иную эпоху людей формируют ее портрет как минимум с не меньшим тщанием, нежели другие документы»⁴.

В полной мере это относится к публикуемым нами воспоминаниям Феликса Антоновича Мороза, застигнутого революционными событиями 1917 г. в Пскове, в штабе главнокомандующего Северным фронтом. Вступив в 1918 г. в ряды РККА, Ф.А. Мороз новой власти так и не принял и, судя по месту первоначального хранения его воспоминаний, покинул страну⁵. Рассказ Ф.А. Мороза о событиях 1917 г. не просто субъективен, как субъективен любой эго-документ. Он фиксирует и объективно свойственные фронтовой революционной повседневности детали, из которых складывается общая картина деградации русской армии. Детали эти многократно описаны, и их конкретика не оригинальна, а потому может показаться, что большой ценности ретроспективный документ не представляет. Однако мы позволим себе не согласиться с этим. И дело здесь не в том, что «плохих» источников не бывает. Воспоминания Ф.А. Мороза о событиях в Пскове 1917 г. являются ярким примером того, как эти события тематизировались, иерархизировались и интерпретировались «задним числом». Наряду с аналогичными свидетельствами, рассказ Ф.А. Мороза фиксирует возникновение определенной традиции, возможно, даже канона нарративизации российского 1917 года представителями русской эмиграции. Как нам кажется, мотивы самоадвокации и провидения в

этом источнике вместе с его содержанием актуализируют проблему смыслов и назначений не только этого эго-текста, но и источников эго-жанра в целом.

Документ публикуется с изъятиями, необходимость которых, как нам представляется, диктуется не всегда этичными авторскими характеристиками офицеров-сослуживцев.

Мороз Ф.А. Первый год революции в Пскове¹⁾

Прага, 10 октября 1931 г.^{2),3)}

<...>В ближайшие после отречения Государя дни⁴⁾, и впоследствии⁵⁾ мне часто приходилось слышать и читать в газетах, будто отречение от престола было принято и в России, и в действующей армии с восторгом. Внимательно наблюдая как офицеров и солдат различных команд Штаба, так гарнизон и население Пскова, я видел смущение, растерянность, но я не видел никакого восторга и никакого ликования. Отречение было принято с грустью и с сожалением, но в общем спокойно и сдержанно. Дисциплина была по-прежнему на высоте, и порядок ни на фронте, ни в ближайших тыловых частях не нарушался. Два дня спустя в Пскове был получен известный приказ по военному ведомству за № 1⁶⁾, и этот приказ был первым сигналом для революции в армии.

За этим приказом начался развал армии и неудержимым потоком хлынули в нее воззвания, резолюции, распоряжения какого-то нового, неведомого доселе начальства. Хлынуло море лжи, клеветы и лицемерия. Одновременно Псков и весь район фронта начал наводняться какими-то новыми лицами, которые стали обрабатывать по-своему армию. Как в самом Пскове, так и в ближайших к нему окрестностях, кроме разных штабных команд, стояло еще много воинских частей, присутствие которых однако до революции было мало заметно. Но лишь только получен был приказ № 1, как город сразу изменил свой вид, – улицы день и ночь, были полны грязными, распоясанными, небрежно одетыми солдатами. Они без всякого дела слонялись по городу, толпились на базарах, устраивали митинги и без конца грызли семечки. Начала праздноваться свобода.

Первым революционным подвигом свободной демократической армий во Пскове было взятие «Псковской Бастилии». Толпа шатавшихся по городу солдат, поддержанная местным пролетариатом, окружила находившуюся на площади гауптвахту, обезоружила часового и с угрозами потребовала освобождения арестованных. Караульный начальник, унтер-офицер Псковской дружины⁶⁾, отказался исполнить требование толпы, но, не решаясь однако употребить в дело оружие, донес по телефону в комендантское управление. Начальник гарнизона ген[ерал] Ушаков⁷⁾ послал на гауптвахту плац-адъютанта с приказанием задержать толпу и водворить порядок, а сам отправился к Гл[авнокомандую]щему просить указаний. Адъютанта, подъехавшего к гауптвахте в автомобиле, встретили улюлюканьем, но в караульное помещение пропустили. Караульный начальник встретил адъютанта рапортом: «Ваше благородие, в карауле Его Императорского Величества на Псковской главной гауптвахте толпой снят и обезоружен наружный часовой». После рапорта взволнованный унтер-офицер заявил адъютанту: «Ваше благородие, я застрелюсь». Адъютант успокоил его как мог, и сам остался в караульном помещении ожидать распоряжений. Больше часа прошло в ожидании, причем приходилось все это время сдерживать толпу, переходя от призывов к революционной сознательности к угрозам открыть огонь. Наконец адъютант не выдержал и, минуя промежуточные инстанции позвонил прямо к Гл[авнокомандую]щему. Оттуда получился ответ: «Голубчик, да ведь я уже приказал ген[ералу] Ушакову освободить. Конечно освобождайте немедленно». Арестованных освободили, и враждебно улюлюкавшая только что толпа, устроила офицеру настоящие овации. Однако, пока уходили арестованные, весь караул держал винтовки «на руку», так как толпа вновь ошетинилась и требовала сдачи оружия. <...>

Числа 12–15 марта массы, обуреваемые жаждой революционных подвигов, захотели новой «Бастилии» и отправились к военной тюрьме⁷⁾ освободить арестантов. Начальник тюрьмы полковник Самсонов⁸⁾ категорически и в резкой форме отказался исполнить требование толпы и был застрелен солдатами, а потом похоронен с отданием военно-революционных почестей. Это была первая кровавая жертва революции в Пскове.

Несколько дней спустя на главной площади был избит до полусмерти начальник

гарнизона ген[ерал] Ушаков. Он проезжал в автомобиле и услышал⁸⁾ из толпы солдат вдогонку себе крики «кровопийца». Остановив автомобиль и несмотря на уговоры сопровождавшего его адъютанта, он вышел из автомобиля и громко⁹⁾ скомандовал толпе «смирно!». Команда подействовала и солдаты подтянулись, а генерал стал их отчитывать. Но в задних рядах кто-то вдруг крикнул «бей его», и толпа бросилась на генерала. Адъютант не успел выскочить на помощь, так как шофер полным ходом помчал его к помещению 16-й автомобильной роты, и оттуда через несколько минут примчался¹⁰⁾ на грузовике взвод вооруженных автомобилистов¹¹⁾, которые и вырвали избитого генерала уже на мосту из рук толпы, которая готовилась сбросить свою жертву с моста на лед. Генерал Ушаков скончался летом того же года в Николаевском военном госпитале от последствий побоев. Вместо ген[ерала] Ушакова начальником гарнизона Пскова был назначен ген[ерал] Бонч-Бруевич⁹⁾. <...>

Главкомандующий Северным фронтом генерал Рузский¹⁰⁾ как-то¹²⁾ сразу отдался новому течению. Он не только ему беспрекословно подчинился, не ропща и не протестуя против бесцеремонных посягательств на права его как главкомандующего, со стороны всевозможных комиссаров, комитетов, совдепов и т[ак]д[алее], но видимо сочувствовал всему происходящему.

В один из первых дней революции¹³⁾, вскоре после издания приказа № 1, мне случайно пришлось быть свидетелем следующей сцены: на посту у дома Гл[авнокомандую]щего стоит солдат-часовой. Из подъезда выходит¹⁴⁾ ген[ерал] Рузский. Солдат, увидя Гл[авнокомандую]щего, вытягивается и отдает ему честь. Ген[ерал] Рузский сначала преувеличенно внимательно откозырнул, а потом, подойдя к солдату, обратился к нему: «Братец, мне теперь никакого¹⁵⁾ отдания чести не полагается, мы теперь все равны, революция нас всех сравняла», – и пожал солдату руку. Ту же сцену с изумлением¹⁶⁾ наблюдало еще несколько неподалеку стоявших солдат. <...>

Поведение Гл[авнокомандую]щего чрезвычайно смутило как офицеров, так и солдат штаба, но пришлось как нельзя более по душе тем элементам, которые неведомо откуда нахлынули массами в Псков и начали углублять революцию. Те же пришлые элементы вошли в большинстве в штабные и войсковые комитеты, были назначены комиссарами, – и пошла вакханалия. Комитеты стремились руководить всей работой, всей жизнью штаба, и им же подчинялись все чины, весь личный состав, начиная от начальника штаба и кончая конюхами и кашеварами. Председателем Комитета штаба фронта был первое время подполк[овник] Маслов¹¹⁾, помощником его – унт[ер]-оф[ицер] Гусев¹²⁾, писарь из моего отделения. Подполк[овник] Маслов вскоре заболел и был эвакуирован, и его место занял Гусев. Создавалось нелепое, вероятно нигде с сотворения мира еще не существовавшее положение, – я был подчинен моему собственному подчиненному, а мой подчиненный являлся по отношению ко мне начальником. Если бы мне вздумалось хоть на один день отлучиться за пределы Пскова, уехать в отпуск, то я должен был бы обратиться за разрешением к Гусеву, но в свою очередь Гусев не имел права уехать, куда бы то ни было без моего разрешения. <...>

Однажды, это было уже в июне месяце, я получил приказание явиться к Гл[авнокомандую]щему. Войдя в приемную комнату я увидел там несколько человек солдат, небрежно развалившихся на стульях. Одеты они были чрезвычайно неряшливо. При моем появлении один из них нехотя встал, остальные¹⁷⁾ продолжали сидеть. Я вошел в кабинет Гл[авнокомандую]щего, которого застал в оживленном разговоре с Н[ачальни]ком Штаба и ген[ералом-]квартирмейстером. Кроме них тут же было еще несколько старших офицеров штаба. На столе лежал большой пакет, адресованный Гл[авнокомандую]щему на русском и немецком языках. Гл[авнокомандую]щий сообщил мне, что солдаты, которых я видел в приемной, являются делегатами, прибывшими с фронта и привезшими этот пакет. Накануне, на одном из участков расположения¹⁸⁾ V армии в районе Двинска, в наши окопы пришли два германских¹⁹⁾ офицера и обратились к первой попавшейся им группе солдат с предложением отвезти и лично Гл[авнокомандую]щему Сев[ерным] фронтом передать пакет, в котором якобы находится письмо германского²⁰⁾ Императора с предложением заключить мир. Солдаты охотно согласились, и после продолжительных споров, кому везти пакет, было наконец выбрано шесть человек старших сроков службы, которые и прибыли в Псков. Предполагая, что письмо написано на немецком языке, Гл[авнокомандую]щий вызвал²¹⁾ меня для того чтобы в присутствии привезших этот пакет солдат тотчас же перевести письмо на русский язык и таким

образом ознакомить делегатов с его содержанием. Мы вышли²²⁾ в приемную, где находились солдаты, Гл[авнокомандую]щий, предложив им лично каждому убедиться в целостности всех пяти больших сургучных печатей, вскрыл пакет, вынул письмо и передал его мне. Я начал вслух и точно переводить каждую фразу. Солдаты слушали довольно безучастно, лишь изредка покачивая головами в знак согласия и одобрения, но лицо²³⁾ Гл[авнокомандую]щего хмурилось все больше и больше. Дойдя до конца первой страницы, я перевернул лист и лишь²⁴⁾ тогда заметил, что предупредительные немцы, очевидно желая избавить нас от затраты времени на перевод, приложили к оригиналу письма и точный перевод его на русский язык. Письмо, написанное Штабом германского восточного фронта по приказанию Гл[авнокомандую]щего этим²⁵⁾ фронтом¹³⁾, заключало в себе предложение о заключении перемирия, с уведомлением, что германское правительство одновременно с этим входит в переговоры²⁶⁾ с русским правительством о прекращении войны.

«Какой же будет ответ, господин генерал», обратился к Гл[авнокомандую]щему один из солдат, когда я кончил читать.

«Ответа не будет никакого», резко возразил ген[ерал] Драгомиров. Делегаты, наивно возлагавшие на письмо какие-то особенные²⁷⁾ надежды и видимо предававшие ему решающее значение в вопросе о заключении мира, замялись, переглянулись и стали перешептываться.

«Как же так, господин генерал», начал тот же солдат, «воюем вот уже три года, сколько народу побили, и все без пользы. Устали мы очень. Пора и кончать войну. Вот и немцы хотят мира».

Много усилий стоило Гл[авнокомандую]щему объяснить солдатам необходимость продолжать войну именно теперь, когда армия, обильно снабженная боевыми припасами и укомплектованная людьми до полного состава, больше чем когда-нибудь имеет возможность с честью и победоносно закончить войну; указал на обязанности России по отношению к союзникам, объяснял опасность²⁸⁾ и преступность братания на фронте, — солдаты твердили одно: «Повоевали²⁹⁾ и будет; устали очень, в ротах остались старики, призванные из запаса; немца все равно не одолеть».

«Если тяжело вам, так немцам еще тяжелее, у них все мужское население от 18 до 50 лет мобилизовано, а сколько тебе лет», обратился Гл[авнокомандую]щий к одному из делегатов.

«Тридцать восемь», — ответил тот.

Этот тридцативосьмилетний здоровый солдат, призванный из запаса несколько месяцев тому назад, считал себя стариком, и, не побывав еще ни разу в настоящем бою, уже чувствовал себя усталым. Остальные делегаты были еще моложе, но все, по их словам, сильно устали.

К концу довольно продолжительного разговора солдаты, по³⁰⁾ крайней³¹⁾ мере внешне, согласились с доводами Гл[авнокомандую]щего и даже обещали по прибытии в свои части влиять на остальных в смысле поддержания порядка и дисциплины. <...>

Между тем сведения, поступающие как с фронта, так и из России, становились все тревожнее. За то непродолжительное время, пока Верховным Гл[авнокомандую]щим был ген[ерал] Корнилов¹⁴⁾, в армии начала чувствоваться твердая рука; появилась было даже снова надежда на близкий конец разрухи, но в последних числах августа, после того как Керенский¹⁵⁾ объявил Корнилова изменником и сам принял Верховное командование¹⁶⁾, — стало ясно, что погибло все, что наступает конец. Бешеная агитация и натравливание солдат на офицеров, начавшаяся вслед за появлением приказа № 1 и немного ослабевшая за 1½³²⁾ месячное пребывание на посту Верховного Гл[авнокомандую]щего ген[ерала] Корнилова, возобновилась с новой силой. К массе прокламаций и газет, кроме прежней «Окопной Правды»¹⁷⁾, издававшейся известным прапорщиком Сиверсом¹⁸⁾, прибавилась еще одна, уже чисто большевистского направления — «Наш Путь». <...>

На бесконечных митингах стали раздаваться голоса с требованием устроить «Еремеевскую ночь» (так солдаты исказили слышанное ими часто от агитаторов название³³⁾ Варфоломеевскую ночь) и перерезать всех офицеров.

Слежка за офицерами и попытки солдат вмешиваться в дела Штаба становились все более и более бесцеремонными. В один прекрасный день ко мне в Отделение явилась группа совершенно незнакомых мне простых солдат и заявила, что желает ознакомиться с делами Отделения и проконтролировать их. Вместе с тем один из них, очевидно старший,

предварительно осведомивши[сь], много ли у меня работы, и получив утвердительный ответ, с важным видом предложил мне взять кого-нибудь из пришедших с ним к себе в помощь. Я поблагодарил за любезное предложение и отказался, мотивируя свой отказ тем, что имеющиеся у меня в распоряжении силы отлично справляются с работой. После этого началось ознакомление с делами. Я приказал подать ворох старых схем расположения германских резервов и переписку с Штабами союзников на английском и французском языках, а также немецкие документы, найденные на³⁴⁾ убитых и плененных немцах. Незваные посетители, перелистав несколько страниц, смущенно переглянулись между собою, и, не сказав ни слова ушли. <...>

Устои армии расшатались совершенно.

26–28 сентября немцы заняли Моонзундский архипелаг, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны наших войск. Перед одиночными германскими солдатами наши части бросали оружие, выкидывали белые флаги и сдавались в плен массами¹⁹⁾. Но и этот удар, – потеря Моонзундского архипелага, не отрезвил ни³⁵⁾ правительство, ни комиссаров. И на этот раз, как и после падения Риги²⁰⁾, комиссары обвиняли во всем высший командный состав и превозносили героизм революционных солдат. На очередном³⁶⁾ митинге ораторы выступали с критикой действий начальства и призывали к защите завоеваний революции.

Митинги сменялись танцульками, на которых солдаты «самой свободной армии в мире» предавались бесшабашному³⁷⁾ разгулу и необузданному веселью. Так прошел еще месяц. Наступило 25 октября. В этот день в Петрограде прогремели первые выстрелы с крейсера «Авроры». Керенский бежал и власть³⁸⁾ перешла в руки большевиков. <...>

К концу ноября мне пришлось дважды побывать на передовых наших позициях в районе Двинска, причем я воочию убедился в ужасающем развале и полной дезорганизации наших войск. 20 ноября начались мирные переговоры в Бресте; 24 числа того же месяца толпой солдат³⁹⁾ и матросов в Могилеве был убит Верховный Гл[авнокомандующий] ген[ерал] Духонин²¹⁾. Быстро надвигался неизбежный конец, и ничто уже не могло спасти армию от окончательной гибели. <...>

Настало время, когда даже мы, офицеры Штаба фронта, сами точно не знали, воюем мы еще с немцами или нет. Сведения о том, что происходило в России, были скудны и противоречивы; правды не знал никто. Газеты в Пскове получались только большевицкие, но им никто не верил. Неистощимой и главной темой разговора были Брест-Литовские мирные переговоры, которые велись с ноября месяца с перерывами⁴⁰⁾ и еще не были закончены. <...> Экономическая жизнь⁴¹⁾ города замерла; большинство лавок и магазинов закрылись. Крестьяне, относившиеся с нескрываемой враждебностью к большевикам, почти совершенно прекратили подвоз продуктов деревенского производства. Предметы даже первой необходимости приобретались с большим трудом. Потянулись унылые безрадостные и тревожные дни⁴²⁾ в постоянном ожидании каких-то еще новых напастей. <...>

[подпись] Ф. Мороз

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 519. Л. 1–27а. Подлинник. Машинопись.

¹⁾ Заголовок документа.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ В верхнем правом углу прямоугольный штамп с надписью: «Русский заграничный исторический архив. Прага. Praha. № 8287. Rusky Zahraničelhistoricky Archiv».

⁴⁾ Здесь и далее орфография и пунктуация документа, кроме случаев, специально оговоренных в примечаниях.

⁵⁾ Буква *в* в начале слова *впоследствии* вписана от руки.

⁶⁾ Буква *д* в слове *дружины* вписана от руки.

⁷⁾ Буква *ь* в слове *тюрьме* вписана поверх строки от руки.

⁸⁾ Испр., в документе *услышал*.

⁹⁾ Буква *к* в слове *громко* вписана от руки.

¹⁰⁾ Напечатано слово *примчались*, испр. от руки на *примчался*.

¹¹⁾ Испр., в документе *автомобилистов*.

- 12) Буквы *то* в слове *как-то* вписаны от руки поверх строки.
- 13) Испр., в документе *революции*.
- 14) Буква *д* в слове *выходит* вписана от руки.
- 15) Буквы *ко* в слове *никакого* вписаны поверх строки от руки.
- 16) Буква *у* в слове *изумлением* вписана поверх строки от руки.
- 17) В слове *остальные* испр. опечатка, буква *ы* в слове вписана над строкой вместо зачеркнутой буквы *а*.
- 18) Буква *с* в слове *расположения* вписана поверх буквы *з*.
- 19) Испр., в документе *генрманских*.
- 20) Испр., в документе *генраманского*, при этом первая буква *н* зачеркнута.
- 21) Испр., в документе *выхвал*.
- 22) Испр., в документе *выцли*.
- 23) *Лицо* вписано над строкой вместо зачеркнутого *илцр*.
- 24) Перед *лишь* зачеркнуто несколько букв неразборчиво.
- 25) Буква *э* в слове *этим* вписана от руки поверх буквы *д*.
- 26) Буква *г* в слове *переговоры* вписана от руки поверх буквы *т*.
- 27) Буквы *ос* в слове *особенные* вписаны над строкой вместо двух зачеркнутых букв неразборчиво.
- 28) Первоначально напечатано *опасность*, затем буква *т* в середине слова зачеркнута.
- 29) Буквы *во* в слове *повоевали* вписаны над строкой.
- 30) *По крайней* напечатано слитно, а затем разделено пометой в виде вертикальной линии.
- 31) Последняя буква *й* в слове *крайней* вписана над строкой.
- 32) Цифра $1\frac{1}{2}$ вписана поверх *11/2*.
- 33) Вторая буква *а* в слове *название* вписана поверх буквы неразборчиво.
- 34) Слово *на* вписано над строкой вместо зачеркнутой буквы *у*.
- 35) Первоначально напечатано *ниш*, затем последняя буква *и* зачеркнута машинописным способом.
- 36) Вторая буква *о* в слове *очередном* вписана над строкой вместо зачеркнутой буквы *и*.
- 37) Испр., в документе *бесшабацному*.
- 38) Буква *ь* в слове *власть* вписана над строкой.
- 39) Перед словом *солдат* зачеркнуты два слова неразборчиво.
- 40) Вторая буква *е* в слове *перерывами* впечатана над строкой.
- 41) Буква *ь* в слове *жизнь* вписана поверх буквы *т*.
- 42) Перед словом *дни* зачеркнуто слово неразборчиво.

Примечания

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–31–12033а(ц).

² О понятии эго-документы см., например: [Зарецкий, 2002; История в эго-документах..., 2014; Михеев, 2007; Савкина, 2007; Суржикова, 2014, с. 230–235].

³ См., например: [Гуль, 1990; Гурко, 1993, с. 5–85; Деникин, 1990; Лукомский, 1991, с. 101–189; Нестор (Анисимов), 1995; Синегуб, 1991, с. 121–197; Устинов, 1990 и мн. др].

⁴ См. подробнее: [Суржикова, 2015, с. 5–12].

⁵ Мороз Феликс Антонович (1881 – не ранее 1933) – военный. Из дворян Виленской губернии. Окончил 6 классов Либавской классической гимназии и Иркутское пехотное юнкерское училище (1904). Из училища выпущен подпоручиком (1904) в 153-й пехотный Бакинский полк. Позже служил в 91-м пехотном Двинском полку. Поручик (1908). Штабс-капитан (1912). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). Прикомандирован к 130-му пехотному Херсонскому полку для командования ротой. Участник Первой мировой войны. Капитан (1914). Обер-офицер для поручений при штабе 29-го армейского корпуса (1915–1916). Исполняющий должность помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта (1916–1917). Подполковник (декабрь 1916). Исполняющий должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта (1917). Как военный консультант участвовал в Брест-Литовских переговорах в ноябре–декабре 1917 г. Добровольно вступил в РККА (1918). В 1919 г. – начальник Главного штаба при Наркомвоен Литовско-Белорусской советской социалистической республики. В конце 1919 г. при оставлении красными войсками Латвии перешел на сторону белых. Служил в Вооруженных силах Юга России. Полковник. В декабре 1919 – марте 1920 г.

эвакуирован за границу. В мае 1920 г. в Югославии, член комиссии ВСЮР. С 22 мая по 2 сентября 1920 г. – преподаватель Первого Русского кадетского корпуса. Затем переехал в Чехословакию. Член Союза русских военных инвалидов. За информацию об этом и других офицерах русской армии благодарим канд. ист. наук, начальника отдела Российского государственного военно-исторического архива О.В. Чистякова.

⁶ Приказ № 1 – документ, изданный Петросоветом поздно вечером 1 марта 1917 г. Предусматривал создание комитетов, избираемых нижними чинами на всех уровнях военной иерархии – от роты до армии, а также равенство прав нижних чинов с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни.

⁷ Ушаков Константин Михайлович (1871 – не ранее 1922) – военный. Окончил Симбирский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник (1908), генерал-майор (1915). Заведующий передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водных сообщений Московско-Архангельского района (1908). Участник Первой мировой войны. До октября 1915 г. – командир 24-го пехотного Симбирского полка (1915), затем – начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии. Начальник военных сообщений армий Северного фронта (октябрь 1916). Состоял в распоряжении начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта (ноябрь 1917). Служил в РККА.

⁸ Самсонов – личность установить не удалось.

⁹ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) — российский военный. Сын землемера. Образование получил в Константиновском межевом институте и на математическом факультете Московского университета. Также окончил Московское пехотное юнкерское училище (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Генерал-майор (1914), генерал-лейтенант РККА (1944). Генерал-майор (1914). Участник Первой мировой войны. Инициатор выселения евреев из прифронтовой полосы (по обвинению их в шпионаже в пользу противника). До сентября 1914 г. – генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии, затем – генерал-квартирмейстер штаба армий Северо-Западного фронта. Исполняющий должность начальника штаба Северного фронта (август 1915). В распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта (февраль 1916). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917). Умер в Москве.

¹⁰ Рузский Николай Владимирович (1854–1918) – военный. Из дворян. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал от инфантерии (1909), генерал-адъютант (1914). Командующий 3-й армией (июль 1914). Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (сентябрь 1914). Член Государственного совета (март 1915). Член Военного совета и одновременно член Государственного совета (май 1915). Главнокомандующий 6-й армией (июнь 1915). Главнокомандующий армиями Северного фронта (август 1915). Отчислен от должности с сохранением должности члена Государственного и Военного советов (декабрь 1915). Главнокомандующий армиями Северного фронта (август 1916). После отчисления от от должности 25 апреля 1917 г. выехал на Кавказ для лечения. В сентябре 1918 г. взят Кавказской Красной армией в число заложников и после мятежа И.Л. Сорокина зарублен в Пятигорске.

¹¹ Маслов – личность установить не удалось.

¹² Гусев – личность установить не удалось.

¹³ Имеется в виду Леопольд Баварский (1846–1930), принц, генерал-фельдмаршал Баварии (1904) и Германской империи (1916), в 1917 г. – командующим Восточным фронтом германских войск. Принял этот пост после Пауля фон Гинденбурга 29 августа 1916 г. и занимал его до окончания войны. В конце 1917 г. вступил в сепаратные переговоры о перемирии с Россией. См.: [Залесский, 2003, с. 350–351].

¹⁴ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал русской армии, военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь. Сын коллежского регистратора. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-майор (1911), генерал-лейтенант (1915), генерал от инфантерии (1917). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну – начальник 48-й пехотной дивизии (1914). Отчислен от должности за нахождением в плену (май 1915). В июне 1916 г. бежал из плена. Командир 25-го армейского корпуса (сентябрь 1916). Со 2 марта 1917 г. – главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. С 29 апреля 1917 г. – командующий 8-й армией. С 10 июля 1917 г. – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С 18 июля по 27 августа того же года – Верховный главнокомандующий. Руководитель так называемого Корниловского восстания. 29 августа 1917 г. отчислен от должности и арестован. В ноябре 1917 г. освобожден. Участник Гражданской войны. Убит в бою при штурме Екатеринодара.

¹⁵ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический и общественный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Депутат IV Государственной думы, в 1915 г. возглавил фракцию трудовиков. После Февральской революции – военный министр (май – сентябрь 1917), министр-председатель Временного правительства (июль – октябрь 1917). С 1918 г. в эмиграции.

¹⁶ После отстранения Л.Г.Корнилова от поста Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенский предлагал эту должность генералу А.С. Лукомскому и генералу В.Н. Клембовскому, однако оба отказались от этого предложения. 30 августа (12 сентября) 1917 г. должность Верховного главнокомандующего занял сам А.Ф. Керенский. См: [Керенский, 1993, с. 242–248].

¹⁷ «Окопная правда» – большевистская фронтовая газета, выходила с 30 апреля (13 мая) 1917 до середины февраля 1918 г., сначала в Риге, с 12 (25) октября в Вендене. Выходила 3 раза в неделю, с 12(25) октября 1917 г. – ежедневно. Тираж – 4–10 тыс. экз. 21 июля (3 августа) газета была закрыта Временным правительством. Вместо нее с 23 июля (5 августа) по 28 октября (10 ноября) выходила газета «Окопный набат». С 29 октября (11 ноября) 1917 г. газета стала выходить под своим первоначальным названием – «Окопная правда» с подзаголовком «Окопный набат».

¹⁸ Сиверс Рудольф Фердинандович (1892–1918) – советский военный деятель. Участвовал в Первой мировой войне в чине зауряд-прапорщика. После Февральской революции 1917 г. был избран в полковой комитет, там же вступил в партию большевиков. Один из создателей и редакторов «Окопной правды», большевистской газеты 12-й армии Северного фронта. В конце июля 1917 г. арестован Временным правительством, освобожден из-под стражи в дни Октябрьской революции 1917 г. Командовал отрядом красногвардейцев и матросов под Пулковом против войск Керенского –Краснова. С декабря 1917 г. – на Украине. Активный участник Гражданской войны. 15 ноября 1918 г. был тяжело ранен в бою под дер. Желновкой. Умер в Москве после ранения.

¹⁹ Моонзундская операция (операция «Альбион», 29 сентября – 6 октября 1917) – операция германских военно-морских и сухопутных сил, нацеленная на уничтожение русских морских сил в Рижском заливе, захват Моонзундского архипелага и создание условий для удара по Петрограду. Немцы без особого труда заняли острова архипелага. Но в сражении на море германский флот встретил упорное сопротивление русских кораблей и понес крупные потери (потоплено 16 кораблей, повреждено 16 кораблей, в том числе 3 линкора). Русские потеряли героически сражавшиеся линкор «Слава» и эсминец «Гром». Остальные корабли Балтийского флота организованно отошли в Финский залив, преградив германской эскадре путь к Петрограду. См. подробнее: [Косинский, Чившиц фон, 2009].

²⁰ Рижская операция 1917 г. (19 августа – 24 августа 1917) – оборонительная операция 12-й русской армии Северного фронта (генерал Д.П. Парский) по отражению наступления германских войск, начатого с целью овладения Ригой. Наступление проводилось силами 8-й германской армии (генерал О. фон Гутьер). В нем немцы применили новую тактику прорыва. Она предполагала минимальное время на артподготовку и быструю атаку пехоты, которая для обеспечения неожиданности выдвигалась на боевые позиции в самый последний момент. При этом огневые точки противника накрывались дымовой завесой, образуемой от взрывов специальных дымовых снарядов. Этот метод получил впоследствии название «гутьеровская тактика». Несмотря на то что русскому командованию было заранее известно не только место, но и время перехода немецких войск в наступление, для его отражения ничего существенного сделано не было. В ночь на 21 августа (3 сентября) русские войска оставили Ригу и Усть-Двинск и отошли к Вендену. Потери оборонявшейся 12-й русской армии составили 25 тыс. человек, 273 орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов и 48 минометов. Немцы потеряли около 5 тыс. чел. См.: [Кавтарадзе, 1967, с. 118–123].

²¹ Духонин Николай Николаевич (1876–1917) – военачальник, генерал-лейтенант. Из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище. Генерал-лейтенант (1917). С 29 мая 1916 г. – начальник штаба армий Юго-Западного фронта. С 4 июля 1917 г. – начальник штаба армий Западного фронта. С 10 октября 1917 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. 1 ноября, после бегства А.Ф. Керенского из Петрограда, принял на себя исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего. 20 ноября 1917 г. арестован в Ставке Могилевским советом. При конвоировании на вокзал убит толпой солдат и матросов.

Библиографический список

Гуль Р.Б. Ледяной поход. М., 1990.

Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив русской революции. М., 1993. Т. 15.

Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М., 1990.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.

Зарецкий Ю.П. Автобиографические Я от Августина до Аввакума (Очерки истории самосознания европейского индивида). М., 2002.

История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014.

Кавтарадзе А. Рижская операция 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 9.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Косинский А. М., Чишвиц А. Г. фон. Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. М., 2009.

Лукомский А.С. Из воспоминаний. Корниловское выступление и начала Добровольческой Армии // Архив русской революции. М., 1991. Т. 5.

Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.

Нестор (Анисимов Н.А.). Расстрел Московского Кремля (27 окт. — 3 нояб. 1917 г.). М., 1995.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М., 2007.

Синегуб А. Защита Зимнего Дворца. (25 октября — 7 ноября 1917 г.) // Архив русской революции. М., 1991. Т. 4.

Суржикова Н.В. Россия 1917 года как рассказанное время // Россия 1917 г. в эго-документах: воспоминания. М., 2015.

Суржикова Н.В. Это странное слово «эго-документы»: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: Матер. всерос. науч. конф. Тверь, 2014.

Устинов С.М. Записки начальника контрразведки (1915–1920 гг.). Ростов-н/Д, 1990.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.06.2016

«ARMY FOUNDATIONS GOT LOOSE COMPLETELY»: THE YEAR OF 1917 IN FELIX MOROZ'S MEMOIRS

N. A. Mikhalev, S. A. P'yankov

Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
n.mikhalev@mail.ru
kliostefan@mail.ru

The publishing memories of the 1917 events is written by Felix A. Moroz, a former officer of the General Headquarters of the Northern Front, in exile. The main subject of the memories is the collapse of the Russian army, caused by its democratization. The relations between officers and soldiers escalated after the notorious Order № of the Petrograd Soviet are shown. The publishing source, however, is interesting not only due to the details inherent in revolutionary everyday life of the front, which formed overall picture of the Russian army degradation. Moroz's memories on the events in Pskov in 1917 are a clear example of how the revolutionary events were being thematized, hierarchicalized and interpreted in hindsight. Along with the same accounts, Moroz's story captures the formation of a certain tradition, perhaps even a kind of canon, of narrativization of the 1917 Russia by the representatives of the Russian emigration. Motives of self-advocation and foreknowledge in the source together with its content actualize the problem of meaning and purpose not only of the analyzed text, but of ego-documents in general. There is no doubt that the source is as polysemantic as any other ego-document that turns the publication of the document into the event that contributes not only and not so much to the mechanical growth of source resources. It also gives the possibility to understand the way individual experience of living during the revolution was conjugated with collective experience which from research standpoint is valuable and promising as such.

Key words: ego-documents, memories, the 1917 Russian revolution, Pskov, Northern front, officers, soldiers, army democratization, army demoralization.

References

Denikin A.I. Pokhod i smert' generala Kornilova. М., 1990.

Gul' R.B. Ledyanoy pokhod. М., 1990.

Gurko V.I. Iz Petrograda cherez Moskvu, Parizh i London v Odessu. 1917–1918 gg. // Arkhiv russkoy revolyutsii. М., 1993. Т. 15.

Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg, 2014.

Kavtaradze A. Rizhskaya operatsiya 1917 g. // Voenno-istoricheskiy zhurnal. 1967. № 9.

Kerenskiy A.F. Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary. М., 1993.

Kosinskiy A. M., Chishvits A. G. fon. Moonzund 1917. Poslednee srazhenie russkogo flota. М., 2009.

Lukomskiy A.S. Iz vospominaniy. Kornilovskoe vystuplenie i nachala Dobrovol'cheskoy Armii // Arkhiv russkoy revolyutsii. М., 1991. Т. 5.

Mikheev M. Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX). М., 2007.

- Nestor (Anisimov N.A.).* Rasstrel Moskovskogo Kremlya (27 okt. — 3 noyab. 1917 g.). M., 1995.
- Savkina I.* Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX v. M., 2007.
- Sinegub A.* Zashchita Zimnego Dvortsa. (25 oktyabrya — 7 noyabrya 1917 g.) // Arkhiv russkoy revolyutsii. M., 1991. T. 4.
- Surzhikova N.V.* Eto strannoe slovo «ego-dokumenty»: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost' // Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy: Mater. vseros. nauch. konf. Tver', 2014.
- Surzhikova N.V.* Rossiya 1917 goda kak rasskazannoe vremya // Rossiya 1917 g. v ego-dokumentakh: vospominaniya. M., 2015.
- Ustinov S.M.* Zapiski nachal'nika kontrazvedki (1915–1920 gg.). Rostov-n/D, 1990.
- Zalesskiy K.A.* Kto byl kto v Pervoy mirovoy voyne. M., 2003.
- Zaretskiy Yu.P.* Avtobiograficheskie Ya ot Avgustina do Avvakuma (Ocherki istorii samosoznaniya evropeyskogo individa). M., 2002.